

Ю. Д. Гранин⁵**РОССИЯ КАК «САМОБЫТНОЕ ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ».
КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЗАПАДУ**

Стратегическое противостояние России и Запада длится более полутора десятилетий. Но до недавнего времени этот по сути экзистенциальный конфликт в официальных российских документах интерпретировался преимущественно в категориях геополитики и мир-системного анализа. Даже начавшаяся 24 февраля 2022 года специальная военная операция на Украине не изменила ракурс видения. Потребовалось больше года, чтобы «коллективизация Запада» и развязанная им тотальная гибридная война были осознаны как реинкарнация многовековой, массовой англосаксонской и романо-германской русофобии. За нарастающими поставками вооружений, экономическими, политическими, научно-техническими и другими санкциями против нашей страны отчетливо проступил *конфликт*

евро-атлантической и российской цивилизаций — сегодняшних геоэкономических, геокультурных и геополитических многомиллионных сообществ с разными представлениями о порядках совместной жизни народов и разным ценностно-смысловым каркасом, определяющим видение справедливого мироустройства. И только тогда цивилизационный статус России получил официальное признание высшим руководством страны.

31 марта 2023 года президент Владимир Путин подписал Указ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации», п. 4 которой определяет Россию как «самобытное государство-цивилизацию», как «обширную евразийскую и евро-тихоокеанскую державу, сплотившую русский народ и другие народы, *составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира*» (курсив мой. — Ю. Г.). Что такое государство-цивилизация, культурно-цивилизационная общность и Русский мир — не поясняется. Между тем новая Концепция внешней политики РФ, будучи одним из ключевых документов стратегического планирования и действия, становится реальным фактором изменения системы международных отношений, а употребленные в концепции понятия и квалификации России и Русского мира — частью российского политико-политологического дискурса. Как к этому отнестись?

Думаю, позитивно. Ведь до недавнего времени теоретические позиции «цивилизационщиков» среди обществоведов оценивались, мягко говоря, как весьма спорные. До сих пор в работах наших коллег по акаде-

⁵ Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор 212 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Глобализация, нации и национализм. История и современность», «Национальные государства в глобализирующемся мире. Социально-философский анализ», «Нации и национализм. Теория и история» и др.; статей: «„Цивилизация“ и цивилизационная эволюция России», «Бесконечная имперскость России. Цивилизационное измерение», «„Остров Россия“ Вадима Цымбурского и геополитический проект „Большая Евразия“», «Имперский характер России: исторический тупик или „окно возможностей“?» и др. Член Союза журналистов России.

мическому цеху бытует мнение о необходимости либо вовсе исключить понятие «цивилизация» из научного дискурса в силу «многозначности» и «смутности» его содержания¹, либо, если и сохранять оное, то лишь по-смотрев «на цивилизации как на „воображаемые сообщества“, по своему масштабу занимающие промежуточное положение между отдельными нациями и всем человечеством»².

Обе точки зрения неубедительны. Цивилизации — это не только «воображаемые», но и реальные сообщества, а многообразие интерпретаций терминов в науке (науках) вполне естественно. Но верно то, что цивилизационный подход к анализу всемирной истории нуждается в развитии, а концепт «цивилизация», дабы его можно было использовать не только в качестве философско-исторического, но и аналитического понятия, — в конкретизации. На философско-историческом уровне анализа цивилизация может быть определена как понятие «для обозначения разнообразия **культурно-исторических типов развития** экономически и политически связанных **больших сообществ людей и/или их совокупностей (общностей)**, субъективно-символически интегрированных в относительно единое целое посредством исторического и социального воображения, культурных смыслов, ценностей и норм, которые служат причиной, целью и основой организации и функционирования этих общностей»³. Такие общности имеет смысл рассматривать как процессы и состояния. В каждый отдельный момент цивилизации, рассматриваемые как большие, но неоднородные сообщества, характеризуются определенным *состоянием общественных* (политических, экономических, культурных и т. д.) *порядков совместной жизни* для ряда народов (этносов), обитающих на их территориях. Но это состояние не статично, оно меняется в процессе модернизаций и социальных революций.

В ранее опубликованных работах я подробно анализировал этот вопрос, обращая внимание на культурную и этническую разноликость цивилизаций, их довольно сложную структуру: наличие «*центрального ядра*» цивилизации — «*основного народа*», «*официального языка межэтнического общения*» и созданной на его основе *доминантной транскультуры* (от лат. trans — сквозь, через, за) и корреспондирующей с ней *исторической метаидеологии* — вырабатываемой и распространяемой религиозными и светскими интеллектуалами совокупности концептуально оформленных *сакральных и светских представлений и идей о месте цивилизации* (территориально большого и этнически многообразного сообщества людей) *на «шкале истории»*, которая соотносит государственное строительство этого сообщества, его социальные предпочтения, «высокую (ядерную) культуру» и «стиль жизни» с предполагаемым трансцендентным назначением че-

ловечества. Так в пространстве большого сообщества формируется «*картина (модель) мира*» (природного и социального) как упорядоченной целостности, соответствующие ей и господствующим практикам смыслы, ценности и нормы жизни. Она выступает формой санкционирования цивилизации как наилучшего политического, социального и иного порядка совместной жизни, формирует, не устраняя различий интересов и воззрений, *общее для всех видение своего места в истории, представление об «общности» исторической судьбы и совместного проживания разных социальных групп и народов в одном государстве*⁴.

Разумеется, структура цивилизаций этим перечнем не исчерпывается. Но важно подчеркнуть ее институциональное измерение: цивилизация — это не только «оплотневшая» в центральном ядре, кристаллизовавшаяся в экономических и иных практиках доминантная культура и корреспондирующая с ней метаидеология, но и некое *социокультурное целое, образованное соединением «культурного ядра» со многими социальными институтами и закрепленное ими*. Помимо системы образования самым важным из таких институтов становилось государство, которое, в свою очередь, оказывалось политической формой организации и распространения цивилизации. Развитие государства — то, что всегда было фундаментальным отличием цивилизаций от остального «варварского» мира, где кочевые и оседлые сообщества имели (и имеют) в лучшем случае протогосударственные формы политической организации. А наиболее успешной государственной формой и фактором распространения цивилизаций на большие пространства во многих регионах были самые крупные государственные образования — империи, которые лучше называть универсальными государствами.

О всемирно-историческом значении империй и имперско-цивилизационных комплексов для процессов глобализации и цивилизации человечества я писал ранее. Здесь же вновь следует подчеркнуть необходимость анализа цивилизованных форм (моделей) совместной жизни на территории той или иной страны в горизонте их исторической динамики и преемственности. Когда мы говорим, например, о современном Китае как стране-цивилизации, мы должны понимать, что нынешняя КНР в ее современных границах является *инобытием предшествующих форм цивилизационного развития*. Иными словами, сегодняшний Китай является политически и социокультурно воплощенным наследником многих форм цивилизационного развития, последовательно сменявших друг друга на протяжении известной нам истории. То же самое мы можем сказать о России, когда рассматриваем ее в историческом диапазоне от Киевской Руси до современности.

Изучая становление и развитие Великого княжества Московского, Российской империи и СССР, мы должны не забывать об их исторической преемственности и о том, что они получили несколько цивилизационных воплощений: *православную цивилизацию Московского царства (XVI–XVII вв.), цивилизационную псевдомор-*

¹ Тишков В. Нация, национализм и нацистроительство // Россия в глобальной политике. 2021. № 2. Март/апр. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nacziya-nacjonalizm> (дата обращения: 29.06.2023).

² Летяков Д. Э. Цивилизации как «воображаемые сообщества». К конструктивистской критике цивилизационной теории // Личность. Культура. Общество. 2021. Т. XXI, вып. 3. С. 65.

³ Гранин Ю. Д. «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 37.

⁴ См.: Гранин Ю. Д. Имперский характер России: исторический тупик или «окно возможностей»? // Журналист. Социальные коммуникации. 2022. № 3 (47). С. 85–104.

фозу империи Романовых (XVIII — середина XIX в.), гибридную цивилизацию современного типа в России перед Первой мировой войной и советскую цивилизацию, представляющую альтернативный Западу тип современного развития.

Судьба этой цивилизации, распространившей свое влияние далеко за пределы СССР, с ее панидеей глобального превосходства и метаидеологией построения коммунизма, известна. Современная Россия, безусловно, наследует ей. Но у нее все еще нет долгосрочной цели развития, понимания его характера и претензий, как у США, на глобальное доминирование. Будучи инобытием предшествующих исторических форм (моделей) цивилизационного развития, она, как и другие цивилизации, характеризуется исторически конкретными, но изменяемыми состояниями общественных (политических, экономических, культурных и т. д.) порядков совместной жизни, причудливо сочетая элементы социальной архаики, социалистического прошлого и западной современности. Аналогичными характеристиками обладает нынешний Китай, также преодолевший большой путь по «лестнице» цивилизаций, но теперь демонстрирующий впечатляющие успехи социально-экономического и научно-технического развития.

Как и в России, в экономическом пространстве Китая представлены разные хозяйственныеклады: архаический (аграрный), устаревающий (индустриальный) и перспективный (информационный). Существуют частный и государственный, рыночный и административно-плановый способы производства. А экономическая мозаичность сочетается с культурной гетерогенностью: языковым многообразием, полиэтничностью и многоконфессиональностью. Но ценностно-смысловой каркас этой цивилизации не эклектичен, а целостен. Он замыкается в контур, граница которого очерчена восходящим к идеям Дао (пути) конфуцианским философско-религиозным мировоззрением (с ключевой для него идеей соответствия «небесного» и «земного» как упорядоченной целостности) и соответствующим ему «рационализмом».

Этот конфуцианский рационализм вырастает не из характерного для Европы базового противоречия между трансцендентным и мирским порядками, а из идеи их гармоничного соответствия. Отсюда особая китайская стратегия жизни как эволюции, предполагающая выбор не лобового, а обходного пути, поиск компромисса и иносказания как основного принципа политического действия и дипломатии. С этой страте-

гией корреспондирует представление о китайском народе как о большой семье и государстве как «поднебесной империи», не случайно названной после 1949 года «срединной цветущей страной всеобщей гармонии народа». Поэтому социалистический период Китая рассматривается элитами и большинством населения как продолжение великого пути, а однопартийность — как историческая форма естественной иерархии общественного устройства¹.

В этом Китай принципиально отличается от России, которая до сих испытывает синдром культурной шизофрении: осознает себя то «русской Европой», то «Азией» (Н. Милуков), то «евразийской державой». В политическом классе первая самоидентификация преобладает. Поэтому в экономике, политике, образовании и культуре все еще сильно идеология западоцентризма и космополитизма, слаб российский патриотизм, а значит, отсутствует консенсус властных и экономических элит по поводу цивилизационной модели развития России. Их разногласия подогреваются научными спорами о том, что собой представляет Российская Федерация: национальное (европейское) государство, государство-цивилизацию или бесконечную империю².

Думаю, специальная военная операция на Украине завершится присоединением Новороссии к исторической России, и она вновь войдет в те органичные для нее границы «месторазвития» великорусского этноса, которые имела в начале XIX столетия. Дальнейшие территориальные приобретения ей не нужны и, думаю, противопоказаны. Начиная с XVII столетия все военные угрозы России шли с Запада. Поэтому теперь, гася «пылающий западный фронт» и не забывая о поддержке и расширении Русского мира на сопредельных территориях, она открывает для себя новые горизонты стратегического развития.

Планируя его перспективы, не стоит впадать в грех имперского мессионизма. В области внутренней политики следует сосредоточиться на комплексном развитии Арктики, Сибири и Дальнего Востока, а в сфере международных отношений — на политике гибких альянсов, не отдавая предпочтения ни одному вектору взаимодействия. Эпоха российских надежд на Большую Европу «от Атлантики до Владивостока» канула в Лету, а время «Большой Евразии» неизвестно когда наступит. Поэтому в обозримом будущем перспективно придерживаться стратегии опоры на собственные ресурсы и равноудаленности от основных центров силы.

¹ См.: Гранин Ю. Д. Новая форма глобализации и цивилизационная специфика России // Век глобализации. 2021. № 2 (38). С. 3–16.

² См.: Гранин Ю. Д. Бесконечная имперскость России. Цивилизационное измерение // Вопросы философии. 2022. № 9. С. 76–86.